

СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУР
г. Москва

13 0 APR 1986

Ведущий популярной теперь уже не только в Эстонии программы «Телевизионное знакомство» вблизи оказался совсем не таким загадочным, как на экране, — все лицо осыпано озорными веснушками. Озорство его просто рвалось наружу: вручив букет белых нарциссов, он чмок-чмок поцеловал меня в обе щеки.

— Урмас, где вас научили так знакомиться?

— В Москве, — отпарировал он со своим характерным акцентом. — Ведь так принято по русскому обычаю!

ПРЕМЬЕРА цикла «Телевизионное знакомство» состоялась на эстонском телеэкране в октябре 1986 года. И с тех пор каждый месяц Урмас Отт предлагает зрителям республики встречу с новой «суперзвездой». Всего их было девятнадцать. Первая — с народной артисткой СССР Людмилой Гурченко. Последняя — с Анатолием Карповым. На записи ее мне удалось побывать: Урмас сделал исключение, допустив журналиста.

Экс-чемпион мира чувствовал себя легко: ему было не привыкать вести поединки через шахматный столик (а именно такой, подаренный когда-то хозяину дома на одном из международных турниров, и разделял сейчас собеседников). Но времени на обдумывание ответных ходов у него на этот раз не было. Урмас Отт предложил Карпову своеобразную блин-игру без репетиций и дублей.

«С кем вы общаетесь?», «Какая самая плохая черта, на ваш взгляд, в вашем характере?», «Что вас больше интересует: слава или деньги?».

В нашей журналистике подобные вопросы раньше как-то было не принято задавать. И потому, например, о Маргарет Тэтчер, ее семье, увлечениях мы знали больше, чем о знаменитых соотечественниках, в отношении которых питались в основном слухами.

Урмас Отт стал одним из первых, кто перешагнул эту предвзятость. Правда, некоторые его оппоненты считают, что он работает на потребу обывателя. Но, позвольте, ведь вопросы-то его самые элементарные, житейские. И, между прочим, за каждым из героев остается право отказаться отвечать. Вот только случаи эти единичны. Значит, знаменитостям самим хочется быть открытыми.

Урмас уверяет, что никогда не составляет твердого плана разговора — все, мол, зависит от ответа собеседника. Не знаю, может быть, и так. Но одно очевидно: чтобы столь непринужденно и искрометно вести беседу, нужно изучить своего героя досконально. В тот день на записи я еще раз убедился: он знает намного больше, чем спрашивает. Может прикинуть с наивным протестом, но на самом деле его невозможно сбить с толку.

После съемки я поинтересовалась у Урмаса: «А почему все-таки Карпов?»

— Потому, что это второй шахматист мира. Но о нем сейчас забыли. Все журналисты «набросились» на Каспарова. А ведь и экс-чемпиону есть что сказать на сегодняшний день. И если после нашей беседы зритель узнает о нем что-нибудь новое или изменит свое отношение к нему, значит, мы добились того, чего хотели.

— А как вы выбираете своих героев? Всегда ли для встречи должен быть повод?

— О чем поговорить со «звездой», найдется всегда. Но бывает, сама жизнь заставляет искать встречи с той или иной знаменитостью. Например, нашумевший ленинградский инцидент привел меня к Пугачевой. Раскол МХАТа — к Евстигнееву.

— Кстати, о Евстигнееве. Считаете ли вы, что эта передача удалась?

— Нет, не считаю.

— А в чем, по-вашему, причина неудачи?

— Думаю, что на моем месте должен был быть

другой ведущий. Понимаете, просто наши «био-полю» со знаменитым артистом не совпадают, мы отрицательно действуем друг на друга. Ну случается же так. И еще. До этого выпуска я сделал семь передач, у меня получалось гладко, хорошо, и я потерял самоконтроль. Неудача, считаю, моя вина.

— Тогда, может, не надо было выпускать ее в эфир?

— Знаете, по этому поводу я придумал теорию. Хотел доказать, что человек может раскрыть себя, даже если он немногословен. Меня, скажем, предупреждают: «Это не тот герой, он ничего тебе толком не скажет». А почему? Человек просто такой — немногословный. Мы вообще в жизни, и на телевидении в частности, привыкли к штампам. Как принято? Например, человек думает, пауза. Значит — убираем. И все получается гладко. А я считаю, что преимущество нашей передачи, возможно, как раз в том, что мы сохра-

чу — два выпуска по пять минут и один полу-часовой. С 1979 года, после окончания Таллинского педагогического института, Урмас Отт — диктор Эстонского телевидения. Это его основная работа. А «Телевизионные знакомства» и другая часовая программа — «Азбука эстрады», постоянным автором и ведущим которой он является уже шесть лет, — его, так сказать, творческое хобби.

И когда в шесть часов десять минут на пороге монтажной появился Отт, еще не сбросивший с себя налет официальности, вместо приветствия я спросила его:

— Урмас, как вы полагаете, с вами легко работать?

— Думаю, одно удовольствие, — рассмеялся он, по-хозяйски располагаясь за столом (до его следующего выхода в эфир было два часа).

Забегая вперед, скажу, что почти все это время они с Яном потратили на то, чтобы выбрать из снятого материала лидирующую фразу и уложить ее, а также кадры хроники в ритм музыкальной заставки. Кстати, найти начало очередного «Знакомства» — для них всегда самое трудное. И, наблюдая за их работой, я подумала: «А почему бы не задать Отту вопросы в стиле самого Отта?» И, как только выдалась пауза, спросила:

— Урмас, сколько вы получаете за свои передачи?

— С ЦТ пока ни копейки. Правда, обещали. Но в любом случае я благодарен Главному управле-

ворите, «ушлых». А сейчас — это, видимо, признак старости — ценю больше всего доброту.

— А вы человек доброжелательный?

— Думаю, что да. Но очень обидчивый. Все время помню, кто меня обидел и как. И сделать с собой уже ничего не могу.

— О чем вы мечтаете?

— Вот этого я вам никогда не скажу. Я суевер-

ный.

— Догадываюсь. Вы хотите стать председа-лем Гостелерадио.

— Нет! Нет! Такого рода амбиции у меня от-

сутствуют. И вообще я очень ленивый и потому много работаю.

— Значит, вы все время боретесь со своей ленью?

— Да, хочу спокойно жить, но это никогда не получается.

— А как вы считаете, такую программу, как

«Телевизионное знакомство», может делать лю-бой репортер?

— В Тартуском университете на моем примере учат будущих журналистов, как не надо делать интервью. Правда, вот только выпускники его, ко-торые знают все досконально и правильно, поче-му-то не выдерживают и двух минут перед каме-рой.

— А вы чувствуете себя перед камерой совер-шенно естественно или напряжение все-таки есть?

— Не могу сказать, что когда-либо ее боялся.

Шоу Урмаса Отта

нием все шероховатости, всю естественность раз-говора. И таким образом возникает очень важ-ный момент — момент доверия. Мы делаем свои передачи без всякой ретуши.

— Многие зрители считают, что не совсем пра-вильный русский придает вам некий шарм. А у «звезд» негиладость ваших вопросов не вызыва-ет недовольство?

— Может быть, секрет моего контакта с геро-ями как раз в том, что они думают: «Пареньку явно трудно с языком, дай-ка поможем ему...» И при этом раскрываются сами. А для меня глав-ное — войти в мир другого человека.

— А у вас есть любимое «Знакомство»?

— Поверьте, я не лукавлю, но у меня действи-тельно отсутствует любимый выпуск. В своих сим-патиях здесь я необъективен. Вы смотрите пере-дачу, и у вас складывается определенное впечат-ление. А у меня есть еще и чисто человеческий контакт с героями. Я помню все, что было за кад-ром, и это на меня влияет. Я не могу сказать, что выпуск с Аркадием Райкиным лучше, чем с Мари-сом Лиловой, или с Виргилиусом Норейкой, или с Ильей Глазуновым...

КОГДА я приехала в Таллин, мне показалось, что любимая передача у Урмаса Отта все-таки есть. Это всегда последняя, та, над кото-рой он работает сейчас.

В монтажной режиссер Яан Пихлак рассмат-ривал снятое в Москве, кодировал фрагмен-ты, намечал места для сокращений (выходило, что все-таки надо сделать пятнадцатиминутные купюры), отбирал кадры хроники о Карпове. И отвечал на мои вопросы.

— Как мне работаете с Урмасом? Трудно. Он диктатор. Вот сейчас придет, и вы сами убедитесь.

А «диктатор» в это самое время читал в прямом эфире очередной выпуск «Актуальной камеры». Дважды в неделю несколько раз в день он ведет эту информационную переда-

нию местного телевидения и радиовещания Гос-телерадио СССР за то, что оно обратило внима-ние на этот цикл. А в Эстонии один выпуск сто-ит 600 рублей. Примерно треть из них получает герой, треть — я. А остальные делаются между ре-жиссером, переводчиком, машинисткой... Так что судите сами, сильно ли я разбогател.

— А что вы больше всего цените в жизни?

— Ну, конечно, славу и деньги. И еще здо-ровье.

— А вы не боитесь, что я так и напишу?

— Представляю, что тут начнется: «А! Вот, ока-зывается, он какой». Но ведь все так делают, толь-ко боятся сказать. Таких наглых, как я, просто больше нет.

— И откуда же такие наглые родом?

— С юга Эстонии. Есть такой городок Отепя, который прекрасно знают горнолыжники всей страны. Половину из своих тридцати трех лет я прожил там. Время от времени бываю дома и сейчас, навещаю маму.

— Вместе с женой?

— Я не женат.

— А это единственная проблема в вашей жиз-ни?

— Разве это проблема? Вот то, что на мое имя нет ордера на квартиру ни в Таллине, ни вообще нигде, — вот это проблема. Я снимаю комнату у родственников. У меня никогда не было патро-нов, которые помогали бы мне в жизни, в рабо-те. Все, чего я добился, я сделал сам.

— Но друзья-то у вас есть?

— Близких вообще нет и никогда не было. На этом на свете можно надеяться только на себя. У меня есть другие стимулы в жизни. Нельзя, что-бы было и огромное личное счастье, и удоволь-ствие по работе. Так не бывает. Просто надо что-то выбирать.

— А какие люди вам нравятся?

— Раньше, когда был моложе, любил эгоцент-ристов, людей свободных, смелых, или, как вы го-

Таких проблем у меня никогда не было. Другой вопрос, являюсь ли я перед камерой тем же че-ловеком, каким меня знают близкие люди в жиз-ни, навряд ли. Но, понимаете, это вопрос имиджа.

— А вы все время помните о своем имидже? И на экране, и в жизни?

— Я никогда об этом не думал. А надо бы. По-моему, я что-то важное упустил. Если сейчас у меня и есть какой-то образ в глазах зрителей, то сложился он случайно, собственно, как случайно родилась и программа «Телевизионное знако-мство».

— Ну, наверное, сейчас, после полутора лет об-щения со знаменитостями, вы тоже ощущаете се-бя «суперзвездой», мэтром жанра?

— Ошибаетесь. С годами появилось чувство от-ветственности. Страх от провала велик. Когда я готовлюсь к очередному «Знакомству», то испы-тываю чувство, подобное, по моим представлени-ям, беременности, — настолько глубоко тема си-дит во мне. За два дня до записи появляется страх. Затем, после съемок, — облегчение, как буд-то родил. А дальше хочется все забыть. Поэтому дальнейших контактов с моими героями почти не поддерживаю.

Через два часа, словно в нем сработал внут-ренний таймер, Урмас встал, надел пиджак и, только для контроля взглянув на часы, отпра-вился на эфир. Потом он снова приходил, ухо-дил, обсуждал с Яном очередной фрагмент монтируемой передачи. И успевал еще побесе-довать со мной. О том, как почти неожиданно для себя стал когда-то диктором и что из-за этой профессии его не принимают в Союз жур-налистов; о том, что в будущем хочет расши-рить круг героев программы, приглашать писа-телей, ученых; о трюках, которые использует в беседах: нарочитых обмолвках, нарочных оши-бах; о своем самом большом увлечении в жиз-ни — теннисе.

Впрочем, разговоры эти могли бы продол-

жаться бесконечно, ибо, как признался Урмас, он большой болтун и написать трехминут-ную информацию для него намного труднее, чем сделать полтора-часовое интервью. В два полночи я, не выдержав, вернулась в гост-иницу (монтаж, как оказалось, продолжался до четырех).

А НАУТРО, под впечатлением рассказов Отта о трюках, я решила сыграть шутку с ним самим. Тем более что на календаре зна-чилось первое апреля. Набрала номер:

— Урмас, не сердитесь, я решила не писать о вас. Согласитесь, ведь бывает так, когда жур-налист разочаровывается в своем герое.

Ответ был сугубо вежливым, но с металлом в голосе:

— Извините, пожалуйста, я очень спешу. Он торопился и в самом деле. Я знала, что около двух часов у него самолет на Минск, куда он летит на съемки очередного выпуска «Аз-буки эстрады».

На следующий вечер, включив телевизор, я услышала, как диктор объявила, что эстон-ский журналист Урмас Отт беседует с певи-цей Аллой Пугачевой. Имя ведущего было произнесено первым. Такого, вспоминается, устоялся, пожалуй, только Фил Донахью.

А на экране новая неожиданность: скром-ный, в свитерке, старющийся оставаться в тени, этаким провинциальный журналист, фо-тографирующий на память свою знаменитую собеседницу, — Урмас Отт нашел, как всегда, единственно верный стиль общения.

Минут через пятнадцать после окончания пере-дачи у меня звонил телефон. Вызывал Минск.

— Ну, что вы думаете о программе? — в труб-ке раздался голос, только что задававший вопро-сы Пугачевой.

— По-моему, контекст дня был благоприятный (это особая тема теоретизирований Отта: он счи-тает, что можно написать целую диссертацию о том, как та или иная передача зависит от собы-тий дня, даже от погоды на улице). Еще раз убедилась, что слушать вы умеете, задавать во-просы тоже. Вот единственное, чего вам не хва-тает, правда, не на экране, а в жизни, — это чув-ства юмора. Мою первоапрельскую шутку вы, на-верное, так и не поняли.

Пауза. А потом — долгий мефистофельский смех в трубке.

— За мои тридцать три года меня никто так не разыгрывал, — произнес этот «ловец душ».

Итак, уважаемый читатель, нравится вам или не нравится сей портрет, но вот та-ков он, Урмас Отт, без ретуши.

Т. МАРТЫНОВА.